

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Сэмюэль Филлипс Хантингтон (Samuel Phillips Huntington, 1927 — 2008) — американский исследователь-аналитик, социальный философ и политолог. Основатель ведущего в США политологического журнала «Международные отношения» (Foreign Affairs).

Ступени карьеры Хантингтона включали многочисленные посты в университетах, исследовательских организациях и правительственных структурах. Был президентом Американской ассоциации политических наук. В последние годы жизни работал директором Института стратегических исследований Джона Олина при Гарвардском университете и председателем Гарвардской академии международных и региональных исследований. Автор многочисленных научных работ в области политики, международных отношений, теории демократии и социальных отношений. Его перу принадлежат шесть книг, среди которых наибольшую известность получила опубликованная в 1996 году концептуальная работа «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order), описывающая динамику современных международных отношений сквозь призму цивилизационных процессов и связанных с ними конфликтов. Эта книга стала продолжением и развитием идей автора на соотношение сил современном мире, которые впервые были описаны им в представленной ниже статье «Столкновение цивилизаций?» (The Clash of Civilizations?), опубликованной в 1993 году в журнале Foreign Affairs. Сэмюэль Хантингтон рассматривает цивилизацию как наивысшее культурное образование, объединяющее людей и обеспечивающее им определенную степень культурной самобытности. В этом смысле цивилизация определяется как общими объективными элементами, такими, как язык, история, религия, обычаи, общественные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Цивилизационная идентичность, по мнению автора, будет играть все более важную роль в будущем, и в дальнейшем мир будет формироваться в значительной степени под влиянием взаимодействия нескольких главных цивилизаций и одновременно углубления различий между ними. Наиболее значительные по своим последствиям конфликты будущего произойдут на своего рода культурных границах, разделяющих эти цивилизации. При этом, основное внимание автор уделяет нарастающему конфликту между западной цивилизацией и остальным миром. Статья вызвала множество активных дискуссий в научных кругах и ныне считается одной из наиболее цитируемых в политологии, учитывая, что целый ряд прогнозов Сэмюэля Хантингтона получил к настоящему времени весьма впечатляющие подтверждения.

Центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром», и реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности.

Модель грядущего конфликта

Мировая политика вступает в новую фазу, и интеллектуалы незамедлительно обрушили на нас поток версий относительно ее будущего облика: конец истории, возврат к традиционному соперничеству между нациями-государствами, упадок наций-государств под напором разнонаправленных тенденций — к трайбализму и глобализму — и другие. Каждая из этих версий ухватывает отдельные аспекты нарождающейся реальности. Но при этом утрачивается самый существенный, осевой аспект проблемы.

Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов.

Грядущий конфликт между цивилизациями — завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире. На протяжении полутора веков после Вестфальского мира, оформившего современную международную систему, в западном ареале конфликты разворачивались главным образом между государями — королями, императорами, абсолютными и конституционными монархами, стремившимися расширить свой бюрократический аппарат, увеличить армии, укрепить экономическую мощь, а главное — присоединить новые земли к своим владениям. Этот процесс породил нации-государства, и, начиная с Великой Французской революции, основные линии конфликтов стали пролегать не столько между правителями, сколько между нациями. В 1793 году, говоря словами Р. Р. Палмера, «войны между королями прекратились, и начались войны между народами».

Данная модель сохранялась в течение всего XIX века. Конец ей положила Первая мировая война. А затем, в результате русской революции и ответной реакции на нее, конфликт наций уступил место конфликту идеологий. Сторонами такого конфликта были вначале

коммунизм, нацизм и либеральная демократия, а затем — коммунизм и либеральная демократия. Во время «Холодной войны» этот конфликт воплотился в борьбу двух сверхдержав, ни одна из которых не была нацией-государством в классическом европейском смысле. Их самоидентификация формулировалась в идеологических категориях.

Конфликты между правителями, нациями-государствами и идеологиями были главным образом конфликтами западной цивилизации. У. Линд назвал их «гражданскими войнами Запада». Это столь же справедливо в отношении «Холодной войны», как и в отношении мировых войн, а также войн XVII, XVIII, XIX столетий. С окончанием «Холодной войны» подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями. На этом новом этапе народы и правительства незападных цивилизаций уже не выступают как объекты истории — мишень западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю.

Природа цивилизаций

Во время «Холодной войны» мир был поделен на «первый», «второй» и «третий». Но затем такое деление утратило смысл. Сейчас гораздо уместнее группировать страны, основываясь не на их политических или экономических системах, не по уровню экономического развития, а исходя из культурных и цивилизационных критериев.

Что имеется в виду, когда речь идет о цивилизации? Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины — все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Деревня в Южной Италии по своей культуре может отличаться от такой же деревни в Северной Италии, но при этом они остаются именно итальянскими селами, их не спутаешь с немецкими. В свою очередь европейские страны имеют общие культурные черты, которые отличают их от китайского или арабского мира.

Тут мы доходим до сути дела. Ибо западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, — а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация — это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации.

Цивилизация может охватывать большую массу людей — например, Китай, о котором Л. Пай как-то сказал: «Это цивилизация, которая выдает себя за страну».

Но она может быть и весьма малочисленной — как цивилизация англоязычных жителей островов Карибского бассейна. Цивилизация может включать в себя несколько наций-государств, как в случае с западной, латиноамериканской или арабской цивилизациями, либо одно-единственное — как в случае с Японией. Очевидно, что цивилизации могут смешиваться, накладываться одна на другую, включать субцивилизации. Западная цивилизация существует в двух основных вариантах: европейском и североамериканском, а исламская подразделяется на арабскую, турецкую и малайскую. Несмотря на все это, цивилизации представляют собой определенные целостности. Границы между ними редко бывают четкими, но они реальны. Цивилизации динамичны: у них бывает подъем и упадок, они распадаются и сливаются. И, как известно каждому студенту-историку, цивилизации исчезают, их затягивают пески времени.

На Западе принято считать, что нации-государства — главные действующие лица на международной арене. Но они выступают в этой роли лишь несколько столетий. Большая часть человеческой истории — это история цивилизаций. По подсчетам А. Тойнби, история человечества знала 21 цивилизацию. Только шесть из них существуют в современном мире.

Почему неизбежно столкновение цивилизаций?

Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся:

1. Западная цивилизация.
2. Индуистская цивилизация.
3. Исламская цивилизация.
4. Конфуцианская цивилизация.
5. Латиноамериканская цивилизация.
6. Православно-славянская цивилизация.
7. Японская цивилизация.
8. Африканская цивилизация (возможно).

Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Почему?

Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они — наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное — религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации. Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение, и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам — «добропорядочным католикам и европейцам из Польши». Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на куда более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. Все происходит по сценарию, описанному Д. Хорвицем: «В восточных районах Нигерии человек народности ибо может быть ибо-оуэрри, либо же ибо-онича. Но в Лагосе он будет просто ибо. В Лондоне он будет нигерийцем. А в Нью-Йорке — африканцем». Взаимодействие между представителями разных цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие в глубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность.

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевают и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты из средних классов, лица свободных профессий, бизнесмены. Как заметил Г. Вайгель, «десекуляризация мира — одно из доминирующих социальных явлений конца XX века». Возрождение религии, или, говоря словами Ж. Кепеля, «реванш Бога», создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ — для объединения цивилизаций.

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и «индуизации» Индии, о провале западных идей социализма и национализма к «реисламизации» Ближнего Востока, а в последнее время и споры о вестернизации

или же русификации России. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру западный облик.

В прошлом элиты западных стран обычно состояли из людей, в наибольшей степени связанных с Западом, получивших образование в Оксфорде, Сорбонне или Сандгерсте, и усвоивших западные ценности и стиль жизни. Население же этих стран, как правило, сохраняло неразрывную связь со своей исконной культурой. Но сейчас все перевернулось. Во многих западных странах идет интенсивный процесс девестернизации элит и их возврата к собственным культурным корням. И одновременно с этим западные, главным образом американские обычаи, стиль жизни и культура приобретают популярность среди широких слоев населения.

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки — в богатей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами.

В классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: «На чьей ты стороне?» И человек мог выбирать — на чьей он стороне, а также менять раз избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полу-французом и полу-арабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полу-католиком и полу-мусульманином.

И, наконец, усиливается экономический регионализм. Доля внутрирегионального торгового оборота возросла за период с 1980 по 1989 год с 51 до 59% — в Европе, с 33 до 37% — в Юго-Восточной Азии, и с 32 до 36% — в Северной Америке. Судя по всему, роль региональных экономических связей будет усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации. А с другой — экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. Европейское Сообщество покоится на общих основаниях европейской культуры и западного христианства. Успех североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) зависит от продолжающегося сближения культур Мексики, Канады и Соединенных Штатов. А Япония, напротив, испытывает затруднения с созданием такого же экономического сообщества в Юго-Восточной Азии, так как Япония — это единственное в своем роде общество и цивилизация. Какими бы мощными ни были торговые и финансовые связи Японии с остальными странами Юго-Восточной Азии, культурные различия между ними мешают продвижению по пути региональной экономической интеграции по образцу Западной Европы или Северной Америки.

Общность культуры, напротив, явно способствует стремительному росту экономических связей между Китайской Народной Республикой, с одной стороны, и Гонконгом, Тайванем, Сингапуром и заморскими китайскими общинами в других странах Азии — с другой. С окончанием «Холодной войны» общность культуры быстро вытесняет идеологические различия. Материковый Китай и Тайвань все больше сближаются. Если общность культуры — это предпосылка экономической интеграции, то центр будущего восточноазиатского экономического блока скорее всего будет в Китае. По сути дела этот блок уже складывается. Вот что пишет по этому поводу М. Вайденбаум: «Хотя в регионе доминирует Япония, но на базе Китая стремительно возникает новый центр промышленности, торговли и финансового капитала в Азии. Это стратегическое пространство располагает мощным технологическим и производственным потенциалом (Тайвань), кадрами с выдающимися навыками в области организации, маркетинга и сферы услуг (Гонконг), плотной сетью коммуникаций (Сингапур), мощным финансовым капиталом (все три страны), а также необъятными земельными, природными и трудовыми ресурсами (материковый Китай)... Это влиятельное сообщество, во многом строящееся на развитии традиционной клановой основы, простирается от Гуанчжоу до Сингапура и от Куала-Лумпура до Манилы. Это — костяк экономики Восточной Азии»¹.

Культурно-религиозная схожесть лежит также в основе Организации экономического сотрудничества, объединяющей 10 неарабских мусульманских стран: Иран, Пакистан, Турцию, Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Туркмению, Таджикистан, Узбекистан

и Афганистан. Данная организация была создана в 1960-е годы тремя странами: Турцией, Пакистаном и Ираном. Важный импульс к ее оживлению и расширению дало осознание лидерами некоторых из входящих в нее стран того факта, что им закрыт путь в Европейское Сообщество. Точно так же КАРИКОМ, Центральноамериканский общий рынок и МЕРКОСУР базируются на общей культурной основе. Но попытки создать более широкую экономическую общность, которая бы объединила страны островов Карибского бассейна и Центральную Америку, не увенчались успехом — навести мосты между английской и латинской культурой пока еще не удалось.

Определяя собственную идентичность в этнических или религиозных терминах, люди склонны рассматривать отношения между собой и людьми другой этнической принадлежности и конфессии как отношения «мы» и «они». Конец идеологизированных государств в Восточной Европе и на территории бывшего СССР позволил выдвинуться на передний план традиционным формам этнической идентичности и противоречий. Различия в культуре или религии порождают разногласия по широкому кругу политических вопросов, будь то права человека или эмиграция, коммерция или экология. Географическая близость стимулирует взаимные территориальные претензии от Боснии до Минданао. Но что наиболее важно — попытки Запада распространить свои ценности: демократию и либерализм — как общечеловеческие, сохранить военное превосходство и утвердить свои экономические интересы наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. Правительствам и политическим группировкам все реже удается мобилизовать население и сформировать коалиции на базе идеологий, и они все чаще пытаются добиться поддержки, апеллируя к общности религии и цивилизации.

Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности.

Линии разлома между цивилизациями

Если в годы «Холодной войны» основные очаги кризисов и кровопролития сосредоточивались вдоль политических и идеологических границ, то теперь они перемещаются на линии разлома между цивилизациями. «Холодная война» началась с того момента, когда «железный занавес» разделил Европу политически и идеологически. Она закончилась с исчезновением «железного занавеса». Но как только был ликвидирован идеологический раздел Европы, вновь возродился ее культурный раздел на западное христианство, с одной стороны, и православие и ислам — с другой. Возможно, что наиболее важной разделительной линией в Европе является, как считает У. Уоллис, восточная граница западного христианства, сложившаяся к 1500 году. Она протекает вдоль нынешних границ между Россией и Финляндией, между прибалтийскими странами и Россией, пересекает Белоруссию и Украину, сворачивает западнее, отделяя Трансильванию от остальной части Румынии, а затем, проходя по Югославии, почти в точности совпадает с линией, ныне отделяющей Хорватию и Словению от остальной Югославии. На Балканах эта линия, конечно же, совпадает с исторической границей между Габсбургской и Османской империями. Севернее и западнее этой линии проживают протестанты и католики. У них — общий опыт европейской истории: феодализм, Ренессанс, Реформация, Просвещение, Великая французская революция, промышленная революция. Их экономическое положение, как правило, гораздо лучше, чем у людей, живущих восточнее. Сейчас они могут рассчитывать на более тесное сотрудничество в рамках единой европейской экономики и консолидацию демократических политических систем. Восточнее и южнее этой линии живут православные христиане и мусульмане. Исторически они относились к Османской либо Российской Империи, и до них донеслось лишь эхо исторических событий, определивших судьбу Запада. Экономически они отстают от Запада, и, похоже, менее подготовлены к созданию устойчивых демократических политических систем. И сейчас «бархатный занавес» культуры сменил «железный занавес» идеологии в качестве главной демаркационной линии в Европе. События в Югославии показали, что это линия не только культурных различий, но временами и кровавых конфликтов.

Уже 13 веков тянется конфликт вдоль линии разлома между западной и исламской цивилизациями. Начавшееся с возникновением ислама продвижение арабов и мавров

на Запад и на Север завершилось лишь в 732 году. На протяжении XI—XIII веков крестоносцы с переменным успехом пытались принести в Святую Землю христианство и установить там христианское правление. В XIV—XVII столетии инициативу перехватили турки-османы. Они распространили свое господство на Ближний Восток и на Балканы, захватили Константинополь и дважды осаждали Вену. Но в XIX — начале XX века власть турок-османов стала клониться к упадку. Большая часть Северной Африки и Ближнего Востока оказалась под контролем Англии, Франции и Италии.

По окончании Второй мировой войны настал черед отступать Западу. Колониальные империи исчезли. Заявили о себе сначала арабский национализм, а затем и исламский фундаментализм. Запад попал в тяжкую зависимость от стран Персидского залива, снабжавших его энергоносителями. В свою очередь, мусульманские страны, богатые нефтью, богатели деньгами, а если желали, то и оружием. Произошло несколько войн между арабами и Израилем, созданным по инициативе Запада. На протяжении 1950-х годов Франция почти непрерывно вела кровопролитную войну в Алжире. В 1956 году британские и французские войска вторглись в Египет. В 1958 году американцы вошли в Ливан. Впоследствии они неоднократно туда возвращались, а также совершали нападения на Ливию и участвовали во многочисленных военных столкновениях с Ираном. В ответ на это арабские и исламские террористы при поддержке по меньшей мере трех ближневосточных правительств воспользовались оружием слабых и стали взрывать западные самолеты, здания и захватывать заложников. Состояние войны между Западом и арабскими странами достигло апогея в 1990 году, когда США направили в Персидский залив многочисленную армию — защищать одни арабские страны от агрессии других. По окончании этой войны планы НАТО составляются с учетом потенциальной опасности и нестабильности вдоль «южных границ».

Военная конфронтация между Западом и исламским миром продолжается целое столетие, и нет никакого намека на ее смягчение. Скорее наоборот, она может еще больше обостриться. Война в Персидском заливе заставила многих арабов почувствовать гордость — Саддам Хусейн напал на Израиль и оказал сопротивление Западу. Но она же породила и чувства унижения и обиды, вызванные военным присутствием Запада в Персидском заливе, его силовым превосходством и своей очевидной неспособностью определять собственную судьбу. К тому же многие арабские страны — не только экспортеры нефти — подошли к такому уровню экономического и социального развития, который несовместим с авторитарными формами правления. Попытки ввести там демократию становятся все настойчивее. Политические системы некоторых арабских стран приобрели определенную долю открытости. Но это идет на пользу главным образом исламским фундаменталистам. Короче говоря, в арабском мире западная демократия усиливает антизападные политические силы. Возможно, это преходящее явление, но оно несомненно усложняет отношения между исламскими странами и Западом.

Эти отношения усложняются и демографическими факторами. Стремительный рост населения в арабских странах, особенно в Северной Африке, увеличивает эмиграцию в страны Западной Европы. В свою очередь наплыв эмигрантов, происходящий на фоне постепенной ликвидации внутренних границ между западноевропейскими странами, вызвал острое политическое неприятие. В Италии, Франции и Германии расистские настроения приобретают все более открытую форму, а начиная с 1990 года постоянно нарастают политическая реакция и насилие в отношении арабских и турецких эмигрантов.

Обе стороны видят во взаимодействии между исламским и западным миром конфликт цивилизаций. «Западу наверняка предстоит конфронтация с мусульманским миром, — пишет индийский журналист мусульманского вероисповедания М. Акбар. — Уже сам факт широкого распространения исламского мира от Магриба до Пакистана приведет к борьбе за новый мировой порядок». К сходным выводам приходит и Б. Льюис: «Перед нами настроение и движение совершенно иного уровня, неподвластные контролю политики и правительств, которые хотят их использовать. Это ни много ни мало конфликт цивилизаций — возможно, иррациональная, но исторически обусловленная реакция нашего древнего соперника против нашей иудео-христианской традиции, нашего мирского настоящего и глобальной экспансии того и другого»².

На протяжении истории арабо-исламская цивилизация находилась в постоянном антагонистическом взаимодействии с языческим, анимистическим, а ныне по преимуществу христианским чернокожим населением Юга. В прошлом этот антагонизм олицетворялся в образе араба-работорговца и чернокожего раба. Сейчас он проявляется в затяжной гражданской войне между арабским и темнокожим населением в Судане,

в вооруженной борьбе между инсургентами (которых поддерживает Ливия) и правительством в Чаде, а также в политических конфликтах, доходящих до кровавых столкновений между мусульманами и христианами, в Нигерии. Процесс модернизации и распространения христианства на африканском континенте скорее всего лишь увеличит вероятность насилия вдоль этой линии междоцивилизационного разлома. Симптомом обострения ситуации явилась речь папы Иоанна-Павла II в феврале 1993 году в Хартуме. В ней он обрушился на действия суданского исламистского правительства, направленные против христианского меньшинства в Судане.

На северных рубежах исламского региона конфликт разворачивается главным образом между православным населением и мусульманским. Здесь следует упомянуть резню в Боснии и Сараево, незатухающую борьбу между сербами и албанцами, натянутые отношения между болгарами и турецким меньшинством в Болгарии, кровопролитные столкновения между осетинами и ингушами, армянами и азербайджанцами, конфликты между русскими и мусульманами в Средней Азии, размещение российских войск в Средней Азии и на Кавказе с целью защитить интересы России. Религия подогревает возрождающуюся этническую самоидентификацию, и все это усиливает опасения русских насчет безопасности их южных границ. Эту озабоченность почувствовал А. Рузвельт. Вот что он пишет: «Значительная часть истории России заполнена приграничной борьбой между славянами и тюрками. Эта борьба началась со времен основания российского государства более тысячи лет назад. В тысячелетней борьбе славян с их восточными соседями — ключ к пониманию не только российской истории, но и российского характера. Чтобы понять нынешние российские реалии, нужно не забывать о тюркской этнической группе, поглощавшей внимание русских на протяжении многих столетий»³.

Конфликт цивилизаций имеет глубокие корни и в других регионах Азии. Уходящая в глубину истории борьба между мусульманами и индусами выражается сегодня не только в соперничестве между Пакистаном и Индией, но и в усилении религиозной вражды внутри Индии между все более воинственными индуистскими группировками и значительным мусульманским меньшинством. В декабре 1992 года, после разрушения мечети Айодха, встал вопрос о том, останется ли Индия светской и демократической страной, или превратится в индуистское государство. В Восточной Азии Китай выдвигает территориальные притязания почти ко всем своим соседям. Он беспощадно расправился с буддистами в Тибете, а сейчас готов столь же решительно разделаться с тюрко-исламским меньшинством. По окончании «Холодной войны» противоречия между Китаем и США проявились с особой силой в таких областях, как права человека, торговля и проблема нераспространения оружия массового уничтожения, и пока нет никаких надежд на их смягчение. Как сказал в 1991 году Дэн Сяопин: «Новая Холодная война между Китаем и Америкой продолжается».

Высказывание Дэн Сяопина можно отнести и ко все более осложняющимся отношениям между Японией и США. Культурные различия усиливают экономический конфликт между этими странами. Каждая сторона обвиняет другую в расизме, но по крайней мере со стороны США отторжение носит не расовый, а культурный характер. Трудно вообразить себе два общества, более далекие друг от друга по фундаментальным ценностям, установкам и стилю поведения. Экономические разногласия США с Европой не менее серьезны, но они не столь политически выпуклы и эмоционально окрашены, ибо противоречия между американской и европейской культурами гораздо менее драматичны, чем между американской и японской цивилизациями.

Уровень потенциальной возможности насилия при взаимодействии различных цивилизаций может варьироваться. В отношениях между американской и европейской субцивилизациями преобладает экономическая конкуренция, как и в отношениях между Западом в целом и Японией. В то же время в Евразии расползающиеся этнические конфликты, доходящие до «этнических чисток», отнюдь не являются редкостью. Чаще всего они происходят между группами, относящимися к разным цивилизациям, и в этом случае принимают наиболее крайние формы. Исторически сложившиеся границы между цивилизациями евразийского континента вновь сейчас полыхают в огне конфликтов. Особого накала эти конфликты достигают по границам исламского мира, полумесяцем раскинувшегося на пространстве между Северной Африкой и Средней Азией. Но насилие практикуется и в конфликтах между мусульманами, с одной стороны, и православными сербами на Балканах, евреями в Израиле, индусами в Индии, буддистами в Бирме и католиками на Филиппинах — с другой. Границы исламского мира везде и всюду залиты кровью.

Сплочение цивилизаций: синдром «братских стран»

Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, естественно пытаются заручиться поддержкой представителей своей цивилизации. По окончании «Холодной войны» складывается новый мировой порядок, и по мере его формирования, принадлежность к одной цивилизации или, как выразился Х. Д. С. Гринвэй, «синдром братских стран» приходит на смену политической идеологии и традиционным соображениям поддержания баланса сил в качестве основного принципа сотрудничества и коалиций. О постепенном возникновении этого синдрома свидетельствуют все конфликты последнего времени — в Персидском заливе, на Кавказе, в Боснии. Правда, ни один из этих конфликтов не был полномасштабной войной между цивилизациями, но каждый включал в себя элементы внутренней консолидации цивилизаций. По мере развития конфликтов этот фактор, похоже, приобретает все большее значение. Его нынешняя роль — предвестник грядущего.

Первое. В ходе конфликта в Персидском заливе одна арабская страна вторглась в другую, а затем вступила в борьбу с коалицией арабских, западных и прочих стран. Хотя открыто на сторону Саддама Хусейна встали лишь немногие мусульманские правительства, но неофициально его поддержали правящие элиты многих арабских стран, и он получил огромную популярность среди широких слоев арабского населения. Исламские фундаменталисты сплошь и рядом поддерживали Ирак, а не правительства Кувейта и Саудовской Аравии, за спиной которых стоял Запад. Подогревая арабский национализм, Саддам Хусейн неприкрыто апеллировал к исламу. Он и его сторонники старались представить эту войну как войну между цивилизациями. «Это не мир воюет против Ирака, — говорилось в получившей широкую известность речи Сафара Аль Хавали, декана факультета исламистики университета Ум Аль Кура в Мекке, — это Запад воюет против ислама». Переступив через соперничество между Ираном и Ираком, религиозный лидер Ирана аятолла Али Хомейни призвал к священной войне против Запада: «Борьба против американской агрессии, алчности, планов и политики будет считаться джихадом, и каждый, кто погибнет на этой войне, будет причислен к мученикам». «Эта война, — заявил король Иордании Хусейн, — ведется против всех арабов и мусульман, а не только против Ирака».

Сплочение значительной части арабской элиты и населения в их поддержке Саддама Хусейна вынудило арабские правительства, вначале примкнувшие к антииракской коалиции, ограничить свои действия и смягчить публичные заявления. Арабские правительства дистанцировались или выступили против дальнейших попыток Запада оказать давление на Ирак, в том числе против введения летом 1992 года зоны, запрещенной для полетов, и бомбардировки Ирака в январе 1993 года. В 1990 году в антииракскую коалицию входили Запад, Советский Союз, Турция и арабские страны. В 1993 году в ней остались практически только Запад и Кувейт.

Сравнивая решительность Запада в случае с Ираком с его неспособностью защитить боснийских мусульман от сербов и применить санкции против Израиля за несоблюдение тем резолюций ООН, мусульмане упрекают Запад в двойной морали. Но мир, где происходит столкновение цивилизаций, — это неизбежно мир с двойной моралью: одна используется по отношению к «братским странам», а другая — по отношению ко всем остальным.

Второе. Синдром «братских стран» проявляется также в конфликтах на территории бывшего Советского Союза. Военные успехи армян в 1992—1993 годах подтолкнули Турцию к усиленной поддержке родственного ей в религиозном, этническом и языковом отношении Азербайджана. «Народ Турции испытывает те же чувства, что и азербайджанцы, — заявил в 1992 году один высокопоставленный турецкий чиновник. — Мы оказались под давлением. Наши газеты полны фотографий, на которых запечатлены зверства армян. Нам задают вопрос: неужели мы всерьез собираемся и впредь проводить политику нейтралитета? Наверное, мы должны показать Армении, что в этом регионе есть великая Турция». С этим согласился и президент Турции Тургут Озал, заметивший, что Армении следует немного припугнуть. В 1993 году он повторил угрозу: «Турция еще покажет свои клыки!» Военно-воздушные силы Турции совершают разведывательные полеты вдоль армянской границы. Турция задерживает поставки продовольствия и воздушные рейсы в Армению. Турция и Иран объявили, что они не допустят расчленения Азербайджана. В последние годы своего существования советское правительство поддерживало Азербайджан, где у власти по-прежнему были коммунисты.

Однако с распадом Советского Союза политические мотивы сменились религиозными. Теперь российские приоритеты на стороне армян, а Азербайджан обвиняет российское правительство в том, что оно совершило поворот на 180 градусов и поддерживает теперь христианскую Армению.

Третье. Если посмотреть на войну в бывшей Югославии, то здесь западная общественность проявила симпатии и поддержку боснийских мусульман, а также ужас и отвращение к зверствам, творимым сербами. В тоже время, ее относительно мало взволновали нападения на мусульман со стороны хорватов и расчленение Боснии и Герцеговины. На ранних этапах распада Югославии необычные для нее дипломатическую инициативу и нажим проявила Германия, склонившая остальные 11 стран — членов Европейского Сообщества последовать ее примеру и признать Словению и Хорватию. Стремясь укрепить позиции этих двух католических стран, Ватикан признал Словению и Хорватию еще до того, как это сделало Европейское Сообщество. Европейскому примеру последовали США. Таким образом, ведущие страны европейской цивилизации сплотились для поддержки своих единомышленников. А затем стали поступать сообщения о том, что Хорватия в большом объеме получает оружие из Центральной Европы и других стран Запада. С другой стороны, правительство России пыталось придерживаться политики середины, чтобы не испортить отношения с православными сербами и в то же время не противопоставить Россию Западу. Тем не менее российские консерваторы и националисты, среди которых было немало народных депутатов, нападали на правительство за недостаточную поддержку сербов. К началу 1993 года несколько сот российских граждан служили в сербских войсках и, согласно сообщениям, в Сербию поставлялось российское оружие.

Исламские правительства и политические группировки, в свою очередь, клеймят Запад за то, что он не встал на защиту боснийских мусульман. Иранские руководители призывают мусульман всего мира оказать помощь Боснии. Вопреки эмбарго ООН, Иран поставляет в Боснию солдат и оружие. Поддерживаемые Ираном ливанские группировки посылают боевиков для обучения и организации боснийских вооруженных сил. Сообщалось, что в 1993 году в Боснии сражалось до 4000 мусульман более чем из двадцати исламских стран. Правительства Саудовской Аравии и других стран испытывают все более мощное давление со стороны фундаменталистских группировок, требующих более решительной поддержки Боснии. Согласно сообщениям, к концу 1992 года Саудовская Аравия по сути финансировала снабжение боснийских мусульман оружием и продовольствием. Это значительно повысило их боеспособность перед лицом сербов.

В 1930-е годы гражданская война в Испании вызвала вмешательство стран, бывших в политическом отношении фашистскими, коммунистическими и демократическими. Сегодня, в 1990-х годах, конфликт в Югославии вызывает вмешательство стран, которые делятся на мусульманские, православные и западнохристианские. Эта параллель не осталась незамеченной. «Война в Боснии и Герцеговине стала эмоциональным эквивалентом борьбы против фашизма в годы гражданской войны в Испании, — заметил один обозреватель из Саудовской Аравии. — Те, кто погибает на этой войне, считаются мучениками, отдавшими жизни ради спасения братьев-мусульман».

Конфликты и насилие возможны и между странами, принадлежащими к одной цивилизации, а также внутри этих стран. Но они, как правило, не столь интенсивны и всеобъемлющи, как конфликты между цивилизациями. Принадлежность к одной цивилизации снижает вероятность насилия в тех случаях, когда, не будь этого обстоятельства, до него бы непременно дошло дело. В 1991—1992 годах многие были обеспокоены возможностью военного столкновения между Россией и Украиной из-за спорных территорий — в первую очередь Крыма, — а также Черноморского флота, ядерных арсеналов и экономических проблем. Но если принадлежность к одной цивилизации что-то значит, вероятность вооруженного конфликта между Россией и Украиной не очень велика. Это два славянских, по большей части православных народа, на протяжении столетий имевших тесные связи. И поэтому в начале 1993 года, несмотря на все причины для конфликта, лидеры обеих стран успешно вели переговоры, устраняя разногласия. В это время на территории бывшего Советского Союза шли серьезные бои между мусульманами и христианами, напряженность, доходившая до прямых столкновений, определяла отношения между западными и православными христианами в Прибалтике, но между русскими и украинцами дело до насилия не дошло.

До сих пор сплочение цивилизаций принимало ограниченные формы, но процесс развивается, и у него есть значительный потенциал на будущее. По мере продолжения конфликтов в Персидском заливе, на Кавказе и в Боснии, позиции разных стран и расхождения между ними все больше определялись цивилизационной принадлежностью. Политические деятели популистского толка, религиозные лидеры и средства массовой информации обрели в этом мощное орудие, обеспечивающее им поддержку широких масс населения и позволяющее оказывать давление на колеблющиеся правительства. В ближайшем будущем наибольшую угрозу перерастания в крупномасштабные войны будут нести в себе те локальные конфликты, которые, подобно конфликтам в Боснии и на Кавказе, завязались вдоль линий разлома между цивилизациями. Следующая мировая война, если она разразится, будет войной между цивилизациями.

Запад против остального мира

По отношению к другим цивилизациям Запад находится сейчас на вершине своего могущества. Вторая сверхдержава — в прошлом его оппонент, исчезла с политической карты мира. Военный конфликт между западными странами немыслим, военная мощь Запада не имеет равных. Если не считать Японии, у Запада нет экономических соперников. Он главенствует в политической сфере, в сфере безопасности, а совместно с Японией — и в сфере экономики. Мировые политические проблемы и проблемы безопасности эффективно разрешаются под руководством США, Великобритании и Франции, мировые экономические проблемы — под руководством США, Германии и Японии. Все эти страны имеют самые тесные отношения друг с другом, не допуская в свой круг страны поменьше, почти все страны незападного мира. Решения, принятые Советом Безопасности ООН или Международным валютным фондом (МВФ) и отражающие интересы Запада, подаются мировой общественности как соответствующие насущным нуждам мирового сообщества. Само выражение «мировое сообщество» превратилось в эвфемизм, заменивший выражение «свободный мир». Оно призвано придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США и других западных стран⁴. При посредстве МВФ и других международных экономических организаций Запад реализует свои экономические интересы и навязывает другим странам экономическую политику по собственному усмотрению. В незападных странах МВФ, несомненно, пользуется поддержкой министров финансов и кое-кого еще, но подавляющее большинство населения имеет о нем самое нелестное мнение. Г. Арбатов охарактеризовал чиновников МВФ как «необольшевиков, с удовольствием отнимающих деньги у других людей, навязывающих им недемократические и чуждые правила экономического и политического поведения и лишаящих их экономической свободы».

Запад доминирует в Совете Безопасности ООН, и его решения, лишь иногда смягчаемые вето со стороны Китая, обеспечили Западу законные основания для использования силы от имени ООН с тем, чтобы изгнать Ирак из Кувейта и уничтожить сложные виды его вооружений, а также способность производить такого рода вооружения. Беспрецедентным было и выдвинутое США, Великобританией и Францией от имени Совета Безопасности требование к Ливии выдать подозреваемых во взрыве самолета авиакомпании Pan American. Когда Ливия отказалась выполнить это требование, на нее были наложены санкции. Разбив самую мощную из арабских армий, Запад без колебаний стал всем своим весом давить на арабский мир. По сути дела Запад использует международные организации, военную мощь и финансовые ресурсы для того, чтобы править миром, утверждая свое превосходство, защищая западные интересы и утверждая западные политические и экономические ценности.

Так, по крайней мере, видят сегодняшний мир незападные страны, и в их взгляде есть значительная доля истины. Различия в масштабах власти и борьба за военную, экономическую и политическую власть являются, таким образом, одним из источников конфликта между Западом и другими цивилизациями. Другой источник конфликта — различия в культуре, в базовых ценностях и верованиях. В. С. Нейпол утверждал, что западная цивилизация — универсальна и годится для всех народов. На поверхностном уровне многое из западной культуры действительно пропитало остальной мир. Но на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение

церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры. Об этом, в частности, свидетельствует поддержка религиозного фундаментализма молодежью незападных стран. Да и сам тезис о возможности «универсальной цивилизации» — это западная идея. Она находится в прямом противоречии с партикуляризмом большинства азиатских культур, с их упором на различия, отделяющие одних людей от других. И действительно, как показало сравнительное исследование значимости ста ценностных установок в различных обществах, «ценности, имеющие первостепенную важность на Западе, гораздо менее важны в остальном мире»⁵. В политической сфере эти различия наиболее отчетливо обнаруживаются в попытках Соединенных Штатов и других стран Запада навязать народам других стран западные идеи демократии и прав человека. Современная демократическая форма правления исторически сложилась на Западе. Если она и утвердилась кое-где в незападных странах, то лишь как следствие западного колониализма или нажима.

Судя по всему, центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром», как выразился К. Махбубани, и реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности⁶. Такого рода реакция, как правило, принимает одну из трех форм, или же их сочетание.

Во-первых, и это самый крайний вариант, незападные страны могут последовать примеру Северной Кореи или Бирмы и взять курс на изоляцию — оградить свои страны от западного проникновения и разложения и в сущности устранившись от участия в жизни мирового сообщества, где доминирует Запад. Но за такую политику приходится платить слишком высокую цену, и лишь немногие страны приняли ее в полном объеме.

Вторая возможность — попробовать примкнуть к Западу и принять его ценности и институты. На языке теории международных отношений это называется «вскочить на подножку поезда».

Третья возможность — попытаться создать противовес Западу, развивая экономическую и военную мощь и сотрудничая с другими незападными странами против Запада. Одновременно можно сохранять исконные национальные ценности и институты — иными словами, модернизироваться, но не вестернизироваться.

Расколотые страны

В будущем, когда принадлежность к определенной цивилизации станет основой самоидентификации людей, страны, в населении которых представлено несколько цивилизационных групп, вроде Советского Союза или Югославии, будут обречены на распад. Но есть и внутренне расколотые страны — относительно однородные в культурном отношении, но в которых нет согласия по вопросу о том, к какой именно цивилизации они принадлежат. Их правительства, как правило, хотят «вскочить на подножку поезда» и примкнуть к Западу, но история, культура и традиции этих стран ничего общего с Западом не имеют.

Самый яркий и типичный пример расколотой изнутри страны — Турция. Турецкое руководство конца XX века сохраняет верность традиции Ататюрка и причисляет свою страну к современным, секуляризованным нациям-государствам западного типа. Оно сделало Турцию союзником Запада по НАТО и во время войны в Персидском заливе, оно добивается принятия страны в Европейское Сообщество. В то же самое время отдельные элементы турецкого общества поддерживают возрождение исламских традиций и утверждают, что в своей основе Турция — это ближневосточное мусульманское государство. Мало того, тогда как политическая элита Турции считает свою страну западным обществом, политическая элита Запада этого не признает. Турцию не принимают в Европейское Сообщество, и подлинная причина этого, по словам президента Озала, «в том, что мы — мусульмане, а они — христиане, но они это не говорят открыто». Куда податься Турции, которая отвергла Мекку и сама отвергнута Брюсселем? Не исключено, что ответ гласит: «Ташкент». Крах СССР открывает перед Турцией уникальную возможность стать лидером возрождающейся тюркской цивилизации, охватывающей семь стран на пространстве от берегов Греции до Китая. Поощряемая Западом, Турция прилагает все усилия, чтобы выстроить для себя эту новую идентичность.

В сходном положении оказалась в последнее десятилетие и Мексика. Если Турция отказалась от своего исторического противостояния Европе и попыталась присоединиться

к ней, то Мексика, которая ранее идентифицировала себя через противостояние Соединенным Штатам, теперь старается подражать этой стране и стремится войти в североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА). Мексиканские политики заняты решением грандиозной задачи — заново сформулировать идентичность Мексики и с этой целью проводят фундаментальные экономические реформы, которые со временем должны повлечь за собой и коренные политические преобразования. В 1991 году первый советник президента Карлоса Салинаса подробно описывал мне преобразования, осуществляемые правительством страны. Когда он закончил, я сказал: «Ваши слова произвели на меня сильное впечатление. Похоже, что в принципе вы хотели бы превратить Мексику из латиноамериканской в североамериканскую страну». Он с удивлением взглянул на меня и воскликнул: «Совершенно верно! Именно это мы и пытаемся сделать, но, разумеется, об этом никто не говорит в открытую!» Это замечание показывает, что в Мексике, как и в Турции, новому определению национальной идентичности противятся влиятельные общественные силы. В Турции политические деятели европейской ориентации вынуждены делать жесты в сторону ислама. Точно так же и лидеры Мексики, ориентированные на Северную Америку, вынуждены делать жесты в сторону тех, кто считает Мексику латиноамериканской страной.

Исторически внутренний раскол глубже всего затронул Турцию. Для Соединенных Штатов ближайшая расколота изнутри страна — Мексика. В глобальном же масштабе самой значительной расколотой страной остается Россия. Вопрос о том, является ли Россия частью Запада, или она возглавляет свою особую, православно-славянскую цивилизацию, на протяжении российской истории ставился неоднократно. После победы коммунистов проблема еще больше запуталась: взяв на вооружение западную идеологию, коммунисты приспособили ее к российским условиям и затем от имени этой идеологии бросили вызов Западу. Коммунистическое господство сняло с повестки дня исторический спор между западниками и славянофилами. Но после дискредитации коммунизма русский народ вновь столкнулся с этой проблемой.

Президент Борис Ельцин заимствует западные принципы и цели, стараясь превратить Россию в «нормальную» страну западного мира. Однако и правящая элита, и широкие массы российского общества расходятся во мнениях по этому вопросу. Один из умеренных противников вестернизации России С. Станкевич считает, что Россия должна отказаться от курса на «атлантизм», который сделает ее европейской страной, частью мировой экономической системы и восьмым номером в нынешней семерке развитых стран, что она не должна делать ставку на Германию и США — ведущие страны Атлантического союза. Отвергая и чисто «евразийскую» политику, Станкевич тем не менее полагает, что России следует уделять первостепенное внимание защите русских, проживающих за границей. Он подчеркивает тюркские и мусульманские связи России и настаивает «на более приемлемом перераспределении российских ресурсов, пересмотре приоритетов, связей и интересов в пользу Азии» — в сторону Востока. Люди такого толка критикуют Ельцина за подчинение интересов России Западу, за снижение ее оборонной мощи, за отказ от поддержки традиционных союзников — например, Сербии, и за избранный им путь проведения экономических и политических реформ, причиняющий народу неисчислимые страдания. Проявлением этой тенденции является и возрождение интереса к идеям П. Савицкого, который еще в 1920-е годы писал, что Россия является «уникальной евразийской цивилизацией»⁷. Есть и более резкие голоса, иногда откровенно националистические, антизападные и антисемитские. Они призывают возродить военную мощь России и установить более тесные связи с Китаем и мусульманскими странами. Народ России расколот не меньше, чем политическая элита. Опрос общественного мнения в европейской части страны весной 1992 года показал, что 40% населения положительно настроено по отношению к Западу, а 36% — отрицательно. В начале 1990-х годов, как и на протяжении почти всей своей истории, Россия остается внутренне расколотой страной.

Чтобы расколота изнутри страна смогла заново обрести свою культурную идентичность, должны быть соблюдены три условия. Во-первых, необходимо, чтобы политическая и экономическая элита этой страны в целом поддерживала и приветствовала такой шаг. Во-вторых, ее народ должен быть согласен, пусть неохотно, на принятие новой идентичности. В-третьих, господствующие группы той цивилизации, в которую расколота страна пытается влиться, должны быть готовы принять «новообращенного».

В случае Мексики соблюдены все три условия. В случае Турции — первые два. И совсем неясно, как же обстоит дело с Россией, желающей присоединиться к Западу. Конфликт

между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом был конфликтом идеологий, которые, невзирая на все различия, хотя бы внешне ставили одни и те же основные цели: свободу, равенство и процветание. Но Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не как западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными⁸.

Конфуцианско-исламский блок

Препятствия, встающие на пути присоединения незападных стран к Западу, варьируются по степени глубины и сложности. Для стран Латинской Америки и Восточной Европы они не столь уж велики. Для православных стран бывшего Советского Союза — гораздо значительнее. Но самые серьезные препятствия встают перед мусульманскими, конфуцианскими, индуистскими и буддистскими народами. Японии удалось добиться единственной в своем роде позиции ассоциированного члена западного мира: в каких-то отношениях она входит в число западных стран, но несомненно отличается от них по своим важнейшим измерениям. Те страны, которые по соображениям культуры или власти не хотят или не могут присоединиться к Западу, конкурируют с ним, наращивая собственную экономическую, военную и политическую мощь. Они добиваются этого и за счет внутреннего развития, и за счет сотрудничества с другими незападными странами. Самый известный пример такого сотрудничества — конфуцианско-исламский блок, сложившийся как вызов западным интересам, ценностям и мощи.

Почти все без исключения западные страны сейчас сокращают свои военные арсеналы. Россия под руководством Бориса Ельцина делает то же самое. А Китай, Северная Корея и целый ряд ближневосточных стран существенно наращивают военный потенциал. С этой целью они импортируют оружие из западных и незападных стран и развивают собственную военную промышленность. В результате возник феномен, названный Ч. Кроутхэммом феноменом «вооруженных стран», причем «вооруженные страны» — это отнюдь не страны Запада. Другой результат — переосмысление концепции контроля над вооружениями. Идея контроля над вооружениями была выдвинута Западом. На протяжении «Холодной войны» первоочередной целью такого контроля являлось достижение устойчивого военного равновесия между Соединенными Штатами и их союзниками, с одной стороны, и Советским Союзом и его союзниками — с другой. В эпоху после «Холодной войны» первейшая цель контроля над вооружениями — предотвратить наращивание незападными странами их военного потенциала, представляющего потенциальную угрозу западным интересам. Чтобы добиться этого, Запад использует международные соглашения, экономическое давление, контроль над перемещением оружия и военных технологий.

Конфликт между Западом и конфуцианско-исламскими государствами в значительной мере (хотя и не исключительно) сосредоточен вокруг проблем ядерного, химического и биологического оружия, баллистических ракет и других сложных средств доставки такого оружия, а также систем управления, слежения и иных электронных средств поражения целей. Запад провозглашает принцип нераспространения как всеобщую и обязательную норму, а договоры о нераспространении и контроль — как средство реализации этой нормы. Предусмотрена система разнообразных санкций против тех, кто способствует распространению современных видов оружия, и привилегий тем, кто соблюдает принцип нераспространения. Естественно, что основное внимание уделяется странам, которые настроены враждебно по отношению к Западу или склонны к этому потенциально.

Со своей стороны незападные страны отстаивают свое право приобретать, производить и размещать любое оружие, которое они считают необходимым для собственной безопасности. Они в полной мере усвоили истину, высказанную министром обороны Индии в ответ на вопрос о том, какой урок он извлек из войны в Персидском заливе: «Не связывайтесь с Соединенными Штатами, если у вас нет ядерного оружия». Ядерное, химическое и ракетное оружие рассматривается — возможно, ошибочно — как потенциальный противовес колоссальному превосходству Запада в области обычных вооружений. Конечно, у Китая уже есть ядерное оружие. Пакистан и Индия могут его разместить на своих территориях. Северная Корея, Иран, Ирак, Ливия и Алжир явно пытаются приобрести его. Высокопоставленный иранский чиновник заявил, что все

мусульманские страны должны обладать ядерным оружием, а в 1988 году президент Ирана якобы издал указ с призывом производить «химическое, биологическое и радиологическое оружие, наступательное и оборонительное».

Важную роль в создании антизападного военного потенциала играет расширение военной мощи Китая и его способности наращивать ее и в дальнейшем. Благодаря успешному экономическому развитию, Китай постоянно увеличивает военные расходы и энергично модернизирует свою армию. Он покупает оружие у стран бывшего Советского Союза, проводит работы по созданию собственных баллистических ракет дальнего радиуса действия, и в 1992 году провел испытательный ядерный взрыв мощностью в одну мегатонну. Проводя политику расширения своего влияния, Китай разрабатывает системы дозаправки в воздухе и приобретает авианосцы. Военная мощь Китая и его притязания на господство в Южно-Китайском море порождают гонку вооружений в Юго-Восточной Азии. Китай выступает в роли крупного экспортера оружия и военных технологий. Ливии и Ираку он поставляет сырье, которое может быть использовано для производства ядерного оружия и нервно-паралитических газов. С его помощью в Алжире был построен реактор, пригодный для проведения исследований и производства ядерного оружия. Китай продал Ирану ядерную технологию, которая, по мнению американских специалистов, может использоваться для производства оружия. Пакистану Китай поставил детали ракет с радиусом действия 300 миль. Уже некоторое время программа производства ядерного оружия разрабатывается в Северной Корее — известно, что эта страна продала Сирии и Ирану новейшие виды ракет и ракетную технологию. Как правило, поток оружия и военных технологий идет из Юго-Восточной Азии в сторону Ближнего Востока. Но есть и некоторое движение в противоположном направлении.

Таким образом, сложился конфуцианско-исламский военный блок. Его цель — содействовать своим членам в приобретении оружия и военных технологий, необходимых для создания противовеса военной мощи Запада. Будет ли он долговечным — неизвестно. Но на сегодня, это, как выразился Д. Маккерди, — «союз изменников, возглавляемый распространителями ядерного оружия и их сторонниками». Между исламско-конфуцианскими странами и Западом разворачивается новый виток гонки вооружений. На предыдущем этапе каждая сторона разрабатывала и производила оружие с целью добиться равновесия или превосходства над другой стороной. Сейчас же одна сторона разрабатывает и производит новые виды оружия, а другая пытается ограничить и предотвратить такое наращивание вооружений, одновременно сокращая собственный военный потенциал.

Выводы для Запада

В данной статье отнюдь не утверждается, что цивилизационная идентичность заменит все другие формы идентичности, что нации-государства исчезнут, каждая цивилизация станет политически единой и целостной, а конфликты и борьба между различными группами внутри цивилизаций прекратятся. Я лишь выдвигаю гипотезу о том, что:

1. Противоречия между цивилизациями важны и реальны.
2. Цивилизационное самосознание возрастает.
3. Конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта.
4. Международные отношения, исторически являвшиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться и превращаться в игру, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица.
5. Эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними.
6. Конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации.
7. Вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн.
8. Главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром.

9. Политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями.
10. В ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран.

Это не обоснование желательности конфликта между цивилизациями, а предположительная картина будущего. Но если моя гипотеза убедительна, необходимо задуматься о том, что это означает для западной политики. Здесь следует провести четкое различие между краткосрочной выгодой и долгосрочным урегулированием. Если исходить из позиций краткосрочной выгоды, интересы Запада явно требуют:

1. Укрепления сотрудничества и единства в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой.
2. Интеграции в состав Запада стран Восточной Европы и Латинской Америки, чья культура близка к западной.
3. Поддержания и расширения сотрудничества с Россией и Японией.
4. Предотвращения, разрастания локальных межцивилизационных конфликтов в полномасштабные войны между цивилизациями.
5. Ограничения роста военной мощи конфуцианских и исламских стран.
6. Замедления сокращения военной мощи Запада и сохранения его военного превосходства в Восточной и Юго-Западной Азии.
7. Использования конфликтов и разногласий между конфуцианскими и исламскими странами.
8. Поддержки представителей других цивилизаций, симпатизирующих западным ценностям и интересам.
9. Укрепления международных институтов, отражающих и легитимизирующих западные интересы и ценности, и привлечения к участию в этих институтах незападных стран.

В долгосрочной же перспективе надо ориентироваться на другие критерии. Западная цивилизация является одновременно и западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение — все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам. Это потребует поддержания его потенциала на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями. Но от Запада потребуются и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными.